

Княгиня, выслушав, с одной стороны, пожалела сына, с другой — разгневалась на нерадивую прислугу. Тут же велела Линь Лань вызвать семью Нянь Хуань для выговора — так что Нянь Доуэр от страха повалилась во дворе на колени, не смея и слова вымолвить.

Ли Чжаоин, человек здравомыслящий, кое-как уговорил княгиню успокоиться. Ли Гуаньцзин тоже добавил умиротворяющих слов, и княгиня наконец согласилась выдать немного серебра в утешение. Ли Гуаньцзин не посмел просить больше и добавил из своих личных сбережений. Пока со всем этим управлялись, время подошло к полудню.

— Господин, поесть? — Жухуа всё время наблюдала за лицом Ли Гуаньцзина и, увидев, что он наконец немного расслабился, осмелилась спросить.

Ли Гуаньцзин покачал головой:

— Не хочу.

— Но вы с утра ничего не ели, как можно не хотеть?

Ли Гуаньцзин вспомнил утреннюю картину, и в желудке вдруг перевернулось. Он непроизвольно сглотнул. Жухуа испугалась:

— Не надо, не надо есть! Давайте сначала воду попьём!

Ли Гуаньцзин махнул рукой:

— Ступай, я хочу побыть один.

Жухуа увидела, что глаза у Ли Гуаньцзина покраснели, не посмела настаивать и, оглядываясь через каждые три шага, вышла.

Мир наконец стих.

Ли Гуаньцзин лёг на лежанку навзничь и принялся насильно снова и снова вызывать в памяти утренние картины, пока они не перестали казаться жуткими и отвратительными. Только тогда он по-настоящему успокоился. И, оглядываясь на себя тогдашнего, понял, как глупо поступил. Смерть Нянь Хуань была неожиданной, но в конечном счёте ведь это он хотел докопаться до истины, а Инь Ванцюань лишь выполнял приказ. Как можно было взваливать вину за её смерть на него?

У каждого сердце из плоти и крови. Окажись он на месте Инь Ванцюаня — как бы ему было горько!

Осознав это, Ли Гуаньцзин поднялся и вышел из комнаты, намереваясь лично извиниться перед Инь Ванцюанем. Не ожидал, что у ворот двора увидит знакомую фигуру.

Фан Шэн разговаривал с Шимо.

Увидев Ли Гуаньцзина, Фан Шэн помахал ему рукой, вошёл во двор и улыбнулся:

— Думал, сегодня не увижу.

Ли Гуаньцзин обрадовался и на время отложил дело с Инь Ванцюанем.

— Проходи! — сказал он. — Шимо, чаю!

Фан Шэн прошёл за ним в комнату. Усевшись, не дожидаясь вопросов, сказал:

— Лекарство не нашёл, но нить уже есть.

— Могу я чем-то помочь? — поспешил спросить Ли Гуаньцзин.

Фан Шэн покачал головой, достал из рукава бумажку:

— Мне нужно съездить в Цзяннань, неизвестно, когда вернусь. Если что-то понадобится, пришли письмо по этому адресу — я буду часто туда заглядывать.

Ли Гуаньцзин взял бумажку, увидел первые два иероглифа и удивился:

— В Цяньтан собрался?

— В Цяньтане есть аптека семьи Фан. Но я там надолго не задержусь, буду колесить по округе.

— Фан Шэн помолчал. — И в Куайцзи заеду.

— Хорошо. — Ли Гуаньцзин не уловил намёка. Он вспомнил про канал Цзяннань и подумал, что, возможно, и сам скоро отправится на юг. — Тогда потрудись. Если представится случай, я и сам к тебе наведаюсь.

Фан Шэн с улыбкой согласился, расспросил Ли Гуаньцзина о делах, пощупал пульс, а потом сменил тему:

— Ну что, второго сына видел? Помнишь, что я тогда говорил?

— Как не помнить? Когда впервые увидел Чжаоина, тоже обомлел. По правде сказать, я-то думал, мы с ним будем как две капли воды, а оказалось, лица совсем разные. Только глаза в самом деле похожи. Может, в отрочестве труднее было отличить.

Фан Шэн загадочно улыбнулся и промолчал.

У Ли Гуаньцзина на душе похолодело. Помолчав, он осторожно спросил:

— Неужели тот человек, которого ты видел, и вправду очень похож на меня нынешнего?

Фан Шэн кивнул и спросил:

— Как думаешь, от отрочества до совершеннолетия лицо сильно меняется?

Ли Гуаньцзин остолбенел, мыслям не было ходу.

— Или ты думаешь, что на свете найдётся человек, точь-в-точь как ты? — тихо сказал Фан Шэн. — Даже больше, чем твой брат-близнец.

— Но Чжаоин... — Ли Гуаньцзин вдруг всё понял, но в то же время не мог поверить. — Чжаоина с детства растила вдовствующая княгиня, как он может не быть моим младшим братом? Да и глаза у него в самом деле очень похожи на отцовские.

Фан Шэн развёл руками:

— Я и сама не понимаю, в чём тут загвоздка. Просто рассказываю, что видел. Дело касается тайн княжеского дома — как поступить, решай сам.

Ли Гуаньцзин помолчал, потом кивнул.

Фан Шэн видела, что лицо у него стало суровым, и, решив, что сейчас он вряд ли захочет говорить больше, да и самой ей предстоял долгий путь, не стала задерживаться и попрощалась.

Перед уходом Ли Гуаньцзин спросил:

— Ты давно в мире рек и озёр. Слышал когда-нибудь об истреблении рода Лань?

Фан Шэн удивился: это дело в мире боевых искусств было мало кому известно, а она как раз была одной из свидетельниц тех событий. С чего бы Ли Гуаньцзину вдруг сейчас о нём спрашивать?

Ли Гуаньцзин, видя её молчание, нахмурился:

— Трудно говорить? Или... это как-то связано со мной?

Фан Шэн опешила и покачала головой:

— Конечно нет. Рассказать можно. Насколько я знаю, последнего главу рода Лань звали Лань Тянь. Он взял в жёны безумицу. Та безумица убила Лань Тяня, отравила всех в роду Лань, а потом подожгла дом и сгорела сама.

Ли Гуаньцзин видел, что Фан Шэн говорит уверенно, и подумал: вот она, вероятно, и есть правда. На душе полегчало.

Фан Шэн, глядя на его облегчённое лицо, вспомнила события тех лет, помолчала и многозначительно добавила:

— Эту безумицу звали Юань Цин.

После ухода Фан Шэна Ли Гуаньцзин немедленно велел позвать Си Фэна и поручил ему разузнать о Юань Цин. Не успел он отправиться на поиски Инь Ванцюаня, как люди князя явились первыми и проводили его в кабинет главного двора.

Ли Чжаоин тоже был в кабинете. Увидев Ли Гуаньцзина, он прищурился и улыбнулся:

— Брат.

С самой первой встречи Ли Чжаоин явно выказывал Ли Гуаньцзину расположение и дружелюбие, и тот проникся к нему симпатией. Теперь он тоже улыбнулся и кивнул, а потом спросил у князя, сидевшего за столом:

— Отец только со службы?

— Угу. — Князь показал им жестом сесть и, подумав, напомнил Ли Гуаньцзину:

— Я выхлопотал тебе только два дня отпуска. Завтра пора на службу выходить.

— Не беспокойтесь, я помню.

Князь взглянул на Ли Чжаоина:

— Старший брат твой сейчас приписан к Министерству работ. Если ничего не изменится,

после совершеннолетия официально войдёт в состав. С ним в общем-то ясно. А ты сам в какое ведомство хотел бы?

Ли Чжаоин остолбенел — явно не ожидал такого вопроса.

Ли Гуаньцзин подумал, что это хорошая возможность, и с улыбкой сказал:

— Отец прав. Ты хоть и только вернулся, но совершеннолетие не за горами — лучше заранее определиться.

Но Ли Чжаоин не улыбнулся. Некоторое время он молчал, потом, словно о чём-то подумав, постепенно утратил обычную мягкость, лицо стало почти деревянным. Он тихо сказал:

— По правде говоря, отец, я хочу сдавать экзамены на чиновника.

Ли Гуаньцзин удивился: не понимал, зачем Ли Чжаоину отказываться от готовой дороги и пробиваться по узкому мостку вместе со всеми. Он взглянул на князя — тот тоже выглядел удивлённым. Но князь не стал спрашивать причину, а спросил:

— На какой экзамен думаешь?

Раз Ли Чжаоин решил идти путём экзаменов, Ли Гуаньцзин предположил, что он выберет либо «минцзин» (экзамен на знание канонов), либо «цзиньши» (экзамен на Presented Scholar).

— На особый экзамен «чжикэ».

Князь приподнял бровь:

— Я могу попросить сановников порекомендовать тебя. Но «чжикэ» — не обычный отбор, неизвестно, когда Сын Неба объявит о нём. Если ждать только «чжикэ», можно время упустить.

Ли Чжаоин, казалось, растрогался. Спустя несколько мгновений тихо промолвил:

— Я думал, отец скажет, что «чжикэ» отбирает «необыкновенные таланты», и мне не стоит заноситься.

Князь ответил:

— Коль уж ты так решил, значит, подготовился заранее. В худшем случае — провалишься, дом тебя ещё какое-то время прокормит.

Ли Гуаньцзин, вспомнив о своём собственном безделье, устыдился:

— Младший брат стремится к высокому, отец только рад, как можно сомневаться в его способностях?

Ли Чжаоин почувствовал облегчение, и дальше говорить стало проще:

— Я хочу сдавать раздел «Талант, способный управлять страной» в «чжикэ». Если удостоюсь милости Сына Неба, то, начав службу, хотел бы сначала несколько лет поработать уездным чиновником.

Ли Гуаньцзин невольно взглянул на князя, ожидая увидеть в его глазах такое же недоумение.

Но князь сложил руки на столе, опустил взгляд и погрузился в раздумья. Видя, что тот не собирается говорить, Ли Гуаньцзин спросил сам:

— Почему уездным чиновником? В какой уезд? Потом вернёшься в Чанъань?

<http://bllate.org/book/15944/1425344>